

Взаимосвязь языка, мышления и культуры и преподавание иностранного языка

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2008

*Не было случая, чтобы язык не
выразил мысли, которую пытались
передать при его помощи.
Ж. Вандриес*

Проблема взаимоотношения языка и мышления охватывает множество специфических вопросов, интересующих представителей философии, логики, психологии и более узких дисциплин, таких, как психолингвистика, нейролингвистика и т.п. и рассматриваемых по-своему представителями каждой отдельной дисциплины. Соотношение языка и культуры также является чрезвычайно сложным и многосторонним. Современный мир представлен огромным разнообразием культур, которые постоянно контактируют между собой, конфликтуют, сотрудничают, заимствуют черты друг у друга и т.п. Каждая культура связана с определенным языком, который является преобладающим средством общения для ее представителей, поэтому и говорят, что владение тем или иным языком является частью определенной культуры. Каждая культура развивалась на протяжении многих веков, если не тысячелетий. В данной статье проблема их взаимосвязи рассматривается в основном на материале английского языка и культуры с привлечением некоторых сопоставлений, параллелей и контрастов с русским языком и культурой. Целью статьи является попытка вычлнить те аспекты проблемы, которые существенны для преподавания языка. В какой степени преподаватель и студенты, изучающие иностранный язык (скажем, английский), должны осознавать эти сложные взаимоотношения? И наоборот, насколько изучение иностранного языка помогает осознать их?

С точки зрения когнитивной науки объяснение сложностей, стоящих на пути желающих изучить иностранный язык, может быть следующим. Одним из основных препятствий в эффективном овладении языком другой нации является расхождение в языковом мышлении. Это связано с тем, что «картина мира», отраженная в языке, не совпадает у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности и, следовательно, получает выражение как в лексике, так и в грамматике.¹ Поэтому, изучая иностранные слова, человек как бы извлекает кусочки мозаики из неизвестной ему еще картины и пытается совместить их с картиной мира, заданной ему родным языком.

С. Г. Тер-Минасова, например, говорит о том, что слово нельзя рассматривать как просто «название» предмета или явления, определенного «кусочка» окружающей человека действительности. Этот «кусочек» действительности как бы «пропускается» через сознание человека и в процессе отражения приобретает некоторые специфические черты, свойственные данному национальному общественному сознанию. Разные народы находят различные пути от внеязыковой реальности к понятию и, далее, к словесному выражению. Эти различия обусловлены прежде всего различиями в условиях жизни этих народов, а также различиями в их общественном сознании. Поэтому, изучая иностранные слова, человек как бы извлекает кусочки мозаики из неизвестной ему еще картины и пытается совместить их с картиной мира, заданной ему родным языком.

Если бы называние предмета или явления окружающего нас мира было простым, механическим фотографическим актом, в результате складывалась бы не «картина», а именно «фотография» мира. Эта «фотография» неизбежно оказалась бы одинаковой у разных народов и не зависела бы от особенностей их бытия и сознания. В результате получилась бы фантастическая ситуация (имеющая отношение скорее к роботам, нежели к человеку), при которой изучение иностранных языков и перевод с языка на язык превратились бы в простой, механический процесс переключения с одного кода на другой. На самом же деле с каждым новым иностранным словом в сознание учащихся как бы «транспонируется» понятие из другого мира. Чаще всего именно это «транспонирование» и является тем камнем преткновения, который до сих пор представляет огромную проблему как для преподавателя, так и для изучающего иностранный язык. Именно недостаточное внимание к установлению важнейшего соотношения между родными и чужими «понятийными картинами мира» так обедняет словарь иностранцев, изучающих неродной язык. Таким образом, воссоздание понятийной картины мира, присущей изучаемой культуре, является одной из самых важных задач преподавателей иностранного языка.

Явления, вынесенные в заглавие статьи, настолько тесно взаимосвязаны, что авторы некоторых пособий по лингвистике находят нужным разбирать вопрос о том, чем язык отличается от мышления и чем он отличается от культуры, хотя навряд ли кому-нибудь придет в голову воспринимать эти три явления как синонимичные или взаимозаменяемые. Так, объясняется, что отличие языка от культуры заключается в том, что в основе культуры лежит идеология, а язык к идеологии не относится (при этом ясно, что идеологические понятия выражаются прежде всего через язык, то есть что язык служит идеологическим оружием); культура может быть классовой, а язык всегда общенароден (хотя некоторые разновидности языка могут быть идеологически нагруже-

ны больше, чем другие, и принадлежать определенным классам или слоям общества). Очевидное отличие языка от мышления заключается в том, что мышление отражает действительность и является идеальным – т.е. не имеет свойств материи: массы, протяженности, плотности; тогда как язык, хотя он и является абстрактной системой, выражает действительность и материален, поскольку все его единицы облечены в звуки. Кроме вопроса о взаимоотношениях языка, мышления и культуры, можно также говорить об их взаимоотношениях с национальным сознанием.

Люди интересуются соотношением языка и мышления с давних времен. Задача исследовать взаимосвязи языка и материальной культуры, как известно, ставилась еще в «Кратиле» Платона. Часто говорят о том, что материалистическая теория отражения рассматривает язык и мышление в диалектическом единстве. Но, даже не обладая специальными философскими познаниями, мы знаем, что усвоение родного языка, в частности, идет одновременно с познавательным развитием ребенка. И нельзя не согласиться с тем, что язык оказывает огромное влияние на формирование представлений о мире, является основой развития мышления. Ведь это тот код, которым человек пользуется, чтобы обозначить предметы, образы, явления, идеи, с которыми он сталкивается в символическом универсуме культуры, окружающем его. Язык является орудием и средством передачи от поколения к поколению знаний, культурно-исторических и иных традиций.

Таким образом, язык – не просто форма личного познания, это, кроме того, и форма общественного познания. Язык и мышление неразрывно связаны как виды общественной деятельности. Язык образует единство с мышлением, так как без мышления не может быть языка и мышление без языка невозможно. Однако следует сразу оговориться, что мышление может быть как вербальным, так и невербальным (наглядно-образным). Когда мы говорим о взаимоотношениях языка и мышления, мы, прежде всего, разумеется, имеем в виду не предметно-образное, а языковое мышление. И именно языковое мышление имеется в виду, когда говорят о близости языка и мышления. Эта связь языка с мышлением позволяет ему осуществлять коммуникативную и когнитивную функции.

Тем не менее, два вышеназванных вида мышления отнюдь не отделены друг от друга Великой китайской стеной, и именно поэтому определенные лексические единицы часто вызывают у нас в сознании яркий образ некоего предмета. Например, *zebra crossing* – пешеходный переход. С другой стороны, при частом или небрежном употреблении смысл некоторых единиц начинает стираться, и они начинают употребляться в менее точном и буквальном смысле.

Проиллюстрировать это можно фразой, сказанной продавцом чистых DVD-дисков покупателю: «Я дам вам пожизненную гарантию на пять

лет». На первый взгляд это абсурдно противоречивое высказывание, однако ему можно найти осмысленную интерпретацию. Одна из возможных мыслей, которая стоит за этим высказыванием, вероятно, расшифровывается так, что пять лет – это такой долгий срок для данного вида товара, что его можно рассматривать как пожизненную гарантию. Аналогичный пример: название американского безалкогольного напитка root beer, который является пивом только по названию, поскольку слово «пиво» употреблено в нем как бы в фигуральном смысле – это напиток вроде лимонада, изготавливаемый из различных «корешков». Эти примеры – иллюстрация одной из причин исторических языковых изменений, которая заключается в стремлении к цели, к идеалу, к общему и частному соответствию мира слов миру понятий (принцип универсальности языковых средств).

Итак, в самом широком смысле, на макроуровне, если можно так выразиться, нам известно, что язык – это орудие общения, средство обмена мыслями, орудие познания окружающего мира, а также достоинство коллектива, которое складывается и существует веками и, соответственно, является средством хранения нужной информации о любых явлениях духовной и материальной жизни человека. На микроуровне же, присмотревшись повнимательнее, даже в самых банальных повседневных словах, кажущихся совершенно незамысловатыми, часто можно обнаружить довольно прозрачную внутреннюю форму, являющуюся уникальной для данного языкового сообщества. Например, *окно* в русском языке – это «око» дома, а в английском window – это «отверстие, через которое входит ветер (wind)»; русское слово *подснежник* означает цветок, который вырос из-под снега, а английское snowdrop – это цветок, похожий на снежную каплю. Примеры такого рода подтверждают мысль о том, что созданию слова предшествует долгий опыт и классифицирующая работа человеческого ума. Они также показывают, что для осмысления лексических единиц иностранным учащимся полезно обращаться к этимологии слов, которые они пытаются усвоить.

Обратившись к внутренней форме слова или к этимологическому анализу, мы можем увидеть почти в каждом слове в сжатом виде ту мысль, которая подтолкнула людей, говорящих на данном языке, к творческому акту его создания, в результате которого это слово стало достоянием целого языкового коллектива. Таким образом, слово является результатом вербализации ими окружающей их внеязыковой действительности, отражая их мысль, заложенную в нем. Попутно отметим, что большинство лингвистов наверняка согласятся, что можно провести целое серьезное филологическое исследование на основе одного-единственного слова (особенно если оно отражает ядро некоего концепта): можно исследовать генезис этого слова, развитие его значений, особенности семантики; специфику лексико-фразеологической и морфосинтак-

сической сочетаемости; частотность его употребления в различных регистрах; то, как воспринимают это слово носители языка, какие ассоциации оно вызывает и т. п. И язык – это совокупность единиц различных уровней, большинство из которых представляют собой кристаллизацию мысли, изначально стоявшей за ними.

Однако не все слова имеют прозрачную внутреннюю форму, разумеется. Так, в русском языке *подушка* – это то, что кладется «под ухо», а английское слово *pillow*, в отличие от русского эквивалента, не имеет прозрачной формы, поскольку заимствовано из латыни, в которой было слово *pulvinus* «подушка». А вот слово *завтрак* в русском и его английский эквивалент *breakfast* оба имеют прозрачную внутреннюю форму. Однако она разная: первоначальный смысл английского слова образовывался из смысла его компонентов *break + fast*, т. е. «нарушать (прекращать) пост; перестать поститься (в фигуральном смысле, т. е. перестать голодать)», тогда как в русском это «заутрок», т. е. прием пищи утром. Можно предполагать, что у исконного носителя языка в уме подсознательно (а у людей с высокой степенью языкового сознания и осознанно тоже) в более или менее четком виде присутствует смысл таких лексических единиц. Следует отметить, что в процессе освоения языка человек усваивает множество сведений такого рода, так что владение языком состоит, в частности, из огромного количества таких мелких деталей, и ни одну из них нельзя проигнорировать, если мы хотим полностью выявить закономерности постижения мира какой-нибудь нацией и отражение результатов этого постижения в языке.

Если обратиться еще к одному лексическому комплексу в качестве иллюстрации, слово для обозначения одеяла в русском языке одно, хотя одеяло может быть стеганым, ватным, шерстяным, пуховым, байковым и т. п. В английском же языке есть много разных слов: *blanket* «шерстяное одеяло»; *coverlet* «покрывало (на кровати); одеяло»; *counterpane* «(стеганое или вязаное) одеяло (на кровати)»; *quilt* «стеганое одеяло; лоскутное одеяло»; *eiderdown* «стеганое пуховое одеяло», *duvet* «пуховое одеяло». Таким образом, в данном случае можно говорить о большей степени обобщенности в обозначении предметов такого рода средствами русского языка (ведь слово-то мы всегда используем одно, только с разными определениями) или, возможно, о меньшем разнообразии самих этих предметов в жизни русских. А если познакомиться с самими предметами, обозначаемыми этими словами, то разные представления, которые имеют о них носители этих языков, станут еще более очевидными.

Так, русский, как кажется, едва ли вообще назвал бы словом *одеяло* ажурное шерстяное покрывало, которое у англичан имеет название *blanket* и переводится на русский именно как «одеяло». Русский точно так же навряд ли назовет одним и тем же словом (*coverlet*) и покрывало,

и одеяло – по его представлениям, т.е. представлениям человека, живущего в стране с довольно суровым климатом, у одеяла одна функция, у покрывала – совсем другая. (Попробуйте укрываться покрывалом зимой, даже необязательно в тридцатиградусный мороз, даже когда на улице всего лишь пять или десять градусов мороза!) С другой стороны, если посмотреть на внутреннюю форму слова *coverlet*, то все становится логичным и понятным: *coverlet* – это либо покрывало, либо одеяло, которое используется, чтобы накрывать (*cover*) кровать. То есть главный признак здесь – это то, что предмет используется для накрывания (кровать, постели). Это еще раз подтверждает, что сущность одного и того же явления, понятия, предмета выражается в разных языках разными признаками. Это также доказывает, что слово создается в результате длительного процесса вычленения характеристик предмета, являющихся наиболее важными для данного языкового сообщества.

О взаимосвязи языка и мышления говорит Л.В. Щерба, подчеркивая важность изучения иностранного языка для понимания родного: «...язык и мышление составляют одно неразрывное целое, расчленив которое у человека, владеющего только своим родным языком, нет никаких поводов. Только когда появляется термин для сравнения – иностранный язык, начинается делаться возможным освобождение мысли из плена слов; только тогда мы начинаем понимать мысль как таковую, только тогда мы можем возвыситься до подлинной абстракции, только тогда мы можем преодолеть все пережитки в языке, которые сковывают по рукам и ногам и самую нашу мысль»².

Рассуждая о специфике стиля национального мышления, обратим внимание на то, что многие единицы в англоязычной системе наименований мер и весов специфичны именно для данной культуры: *an inch* «дюйм», *a round* «фунт», *a mile* «миля», *an ounce* «унция». Для других наций они являются непривычными, экзотичными. Естественно, что, поскольку эти слова активно использовались в данной культуре в течение веков, в результате в ней функционирует ряд фразеологических единиц с этими словами, в которых они приобретают фигуральный, метафорический смысл: **every inch of her (him, it)** – вся (весь), целиком; во всех отношениях, полностью; ~ до мозга костей, с головы до ног; **give somebody an inch and he (she) will take a mile** ~ дай ему (ей) палец, он(а) и всю руку отхватит; **an inch breaks no square** посл. ~ мелочам не стоит придавать значения; незначительные промахи можно простить; ~ не всякое лыко в строку; **within an inch of sth.** – на волосок от, чуть не, вот-вот; **within an inch of one's life** – до полусмерти, чуть ли не до смерти; **an inch of cold iron (или steel)** – удар кинжалом, шпагой (или каким-либо другим холодным оружием); **one's pound of flesh** – законное, но жесткое требование (уплаты, возврата) (и первая ассоциация, возникающая здесь у исконного носителя английского языка и

культуры – это «Венецианский купец» Шекспира); **a pound to a penny** разг. «*ставлю фунт против пенни*», *держу пари* (подразумевается: ... и убежден в том, что выиграю его); *конечно, еще бы*; **take care of the pence and the pounds will take care of themselves** посл. *береги пенсы – целы будут и фунты*; *~ копейка рубль бережет*; **in for a penny, in for a pound** посл. *~ взявшись за гуж, не говори, что не дюж*; **miles better (или worse)** – разг. *в тысячу раз лучше (или хуже)*; **an ounce of discretion is worth a pound of wit** посл. *~ капля такта дороже потоков острословия*; **she looked as bright and sparkling as a brand-new penny** – *она выглядела веселой и блестящей, как новенькая монетка*. В этих случаях также отчетливо заметно, что как фразеологические единицы и устоявшиеся выражения, так и их эквиваленты в другом языке (в данном случае русском) являются наглядной иллюстрацией специфичности национального мышления, а вся их семантика есть отражение закрепленного в языке знания, принадлежащего данному народу.

Наименования денежных единиц так же частотны, как и наименования мер и весов. Если проанализировать устоявшиеся выражения и фразеологические единицы, содержащие их, опять-таки, можно почувствовать специфику национального мышления, которому приходится опираться на частотные понятия такого рода. Так, посмотрев на названия денежных единиц, таких, как a shilling (шиллинг), a farthing (*ист.* фартинг; грош), a guinea (гинея), обнаруживаем следующие выражения: **it's not worth a farthing** – *гроша ломаного не стоит*; **it doesn't matter a farthing** – *это ровно ничего не значит*; **the uttermost farthing** – *последний грош*; **not to care a (brass) farthing** – *ни в грош не ставит, совершенно не интересоваться*; **not a brass farthing** – *ни гроша*; **play chuck farthing with something** – *необдуманно, бессмысленно рисковать чем-либо*. **Every shilling** – *все до последнего шиллинга*; **to cut sb. off with a shilling** – *лишить кого-л. наследства*; **to take the King's (Queen's) shilling** – *поступить на военную службу*; **shilling shocker** – *дешевый бульварный роман*.

Приведенные примеры в основном относятся к лексическому запасу, поскольку проявление внешних законов развития языка непосредственнее всего обнаруживает себя в лексике, ведь она теснее всего связана с общественно-политическими и культурными изменениями в обществе, с познавательной деятельностью людей.

Любопытным образом проявляется в лексике языка то, что англичане – это нация мореходов, жизнь которой всегда была связана с морем. Так, русской фразеологической единице *свет клином не сошелся* соответствуют английские **there are other fish in the sea** (*в море есть и другие рыбки*); **there are other pebbles on the beach** (*на пляже есть и другая галька*), внутренняя форма которых прозрачна (отметим мысль о множественности экземпляров и, соответственно, легкой доступности

того, что является объектом желания, отсутствующую в русском выражении). Понимание же внутренней формы русского выражения требует специального этимологического исследования – неспециалисту непонятно, что за клин имеется в виду и что такое «сойтись клином». Русскому выражению *странный тип* соответствуют **a queer fish, an odd fish**, опять-таки с морской семантикой. То же и с выражениями *он бесчувственный человек* – **he's a cold fish**; *мне не до этого* – **I have other fish to fry**; *не в своей стихии* – **like a fish out of water**; *напрашиваться на комплименты* – **to fish for compliments**; *пьет как сапожник* – **drinks like a fish** и т.п. Таким образом, сопоставление фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний, пословиц и т.п., содержащих похожие мысли, но выраженных различными средствами двух разных языков, позволяет более отчетливо увидеть мысль, стоящую за этими выражениями, в ее национальной специфике.

Интересно сопоставить устойчивые сравнения с некоторыми прилагательными в английском и русском языках. Такое сопоставление также может дать нам ценные подсказки относительно особенностей национального мышления, типичных воззрений и взглядов на окружающий мир. Если взять, скажем, прилагательное *счастливый*, то в английском языке можно обнаружить ряд устойчивых сравнений, показывающих нам, какие живые существа, какие категории людей воспринимаются как счастливые: **as happy as a clam at high tide** (*счастливый, как ракушка во время прилива*) **...in a seaweed** (*как ракушка в водорослях*), **as happy (jolly or merry) as a sand-boy** (*жизнерадостный (беззаботный), как торговец песком*), **...as a bug in a rug** (*как клоп в ворсинках ковра*), **as happy as a king** (*счастливый, как король*), **...as a lark** (*как жаворонок*), **as happy as Larry (Sam), as happy as the day is long** (*счастливый, как долгий день*).

Хотя их смысл не воспринимается буквально и, в общем, скорее сводится к тому, чтобы передать идею «очень беспечный, беззаботный или жизнерадостный», отсутствие устойчивых сравнений такого же рода в русском языке заставляет задуматься над этим фактом. Пожалуй, единственное выражение, хотя бы отдаленно имеющее похожий смысл – это «довольный, как слон»³.

Как это ни парадоксально, некоторые русские студенты предложили сравнение «счастливый, как дурак (как идиот)». Очень непросто ответить на вопрос о том, почему единственное сравнение, которое приходит в голову носителям русского языка, имеет негативный характер, почему у русских сохраняется устойчивое впечатление, что счастливы только дураки и идиоты⁴. Для того чтобы ответить на этот вопрос, опять-таки необходимо было бы как минимум провести целое исследование, привлекая данные лингвистики, психологии, истории, социологии и прочих гуманитарных дисциплин, что вытекает из взаимосвязи

общей истории языка с историей общества, из связи форм существования языка с исторической общностью людей, составляющей нацию, из зависимости развития языка от конкретно-исторических и территориально-географических условий его функционирования. Иными словами, нужно было бы провести анализ концепта «счастье» в терминах лингвоконцептологии.

Попутно можно заметить, что очень многие устойчивые сравнения имеют весьма яркую и образную внутреннюю форму и так же заслуживают лингвоконцептологического анализа: **her spirits were as light as air** (настроение у нее было воздушно-легким); **you've got a face like a wet weekend** (у тебя лицо пасмурное, как дождливый выходной); **as quiet as a lamb** (тихий /спокойный, как ягненок) (по-русски мы скорее скажем «кроткий /безобидный, как ягненок»); **as deaf as mutton** (глухой, как баранина); **as plump as a partridge** (пухленький /-ая, как куропатка); **as greedy as a pig** (жадный, как свинья) (по-русски скорее «жирный / грязный, как свинья»); **as cold as charity** (холодный, как благотворительность); **as dead / deaf as a doornail** (мертвый /глухой, как гвоздь в дверной притолоке, т.е. не имеющий никаких признаков жизни / \approx глухой, как пень); **as drunk as a lord** (пьяный, как лорд \approx пьяный, как сапожник); **to swear like a lord** (материться, как лорд \approx ругаться, как извозчик); **to sleep like a log** (спать, как бревно \approx спать, как убитый); **as safe as a church / a house / a bank / the Bank of England** (надежный /безопасный, как церковь /дом /банк / Английский банк) и т.п. Отметим, что данные устойчивые сравнения являются стандартными и весьма ходовыми, т.е. являются своего рода языковыми клише и, соответственно, автоматически приходят в голову большинству исконных носителей языка, но вместе с тем говорящему на русском языке они скорее всего покажутся очень экзотичными.

В общем и целом, можно сказать, что большинство людей интуитивно чувствует, что язык, культура и мышление взаимосвязаны, особенно когда им приходится сталкиваться с фактами, подобными вышеприведенным, которые столь ярко демонстрируют различия языков и культур. Однако объяснить это не так просто, ведь и язык, и мышление, и культура – это чрезвычайно сложные, многомерные и многоуровневые структуры. Более того, точнее было бы говорить о полиструктурности, разветвленности, иерархичности самой их знаковой организации, о том, что они являются своего рода «мегаконструктами», причем взаимопроницаемыми мегаконструктами, сплетенными в единое целое.

Если в этой связи взять даже просто звучание языка (артикуляционные особенности, тембральная окраска, ритмика, громкость), то и оно недвусмысленно связано в сознании других народов с той культурой, частью которой данный язык является. Более того: поскольку английский язык обслуживает несколько различных национальных культур

(британскую, американскую, австралийскую, канадскую и п.д.), в каждой из них могут быть свои понятия о нормах и эталонах каждого отдельного параметра звучащей речи. Скажем, норма громкости в двух диалектических вариантах английского языка – британском и американском – является чуть ли не диаметрально противоположной. Громкость речи, приемлемая в США, чаще всего совершенно неприемлема в Великобритании, где приемлемым считается гораздо более низкий уровень громкости.

Легко предположить, что, не будь эта задача столь объемной, можно было бы выделить те особенности каждого из уровней языковой организации, которые являются отличительной особенностью именно данного языка и воспринимаются как индикаторы связанной с ним культуры. Частотные сочетания звуков, фонемы или определенные морфологические элементы в словах, заимствованных из данного языка, также ассоциируются с ним (например, *дриблинг, петтинг, спарринг, пирсинг, шоппинг, маркетинг, поллинг, толлинг, аутсорсинг, консалтинг* однозначно являются английскими).

Великолепную иллюстрацию приводит Н. Певзнер в своей монографии «Английское в английском искусстве»: хоть это и поверхностный пример, говорит он, достаточно произнести строчку из «Ромео и Джульетты» Шекспира «То соловей – не жаворонок был» по-английски (*It was the nightingale and not the lark*), по-немецки (*Es ist die Nachtigall und nicht die Lerche*) и по-итальянски (*È l'usignol, non è la lodola*)⁵, как перед нами встают три различных и вполне узнаваемых национальных характера, т.е., если сформулировать это более точно, совокупность тех специфических черт, которые обуславливают общность каждой национальной культуры. Еще один его пример – «баранья отбивная» по-английски (*chop*) и по-итальянски (*costoletta di montone*): итальянское название для английского слуха звучит почти как строчка из поэтического произведения.

Нет необходимости доказывать, и мало кто усомнится в том, что язык – это орудие мышления, материальная опора мышления. Недаром классик сказал: «Кто ясно мыслит, ясно излагает». Несомненно, построение речи любого вида в процессе изучения языка происходит через мышление, т.е. мы строим любые высказывания, оформляя свою мысль, только когда эта мысль уже оформилась у нас в сознании. Строго говоря, когда мы строим свою речь, первична именно мысль, которая стоит за нашим высказыванием, и именно на ее основе мы его и строим. Разумеется, успешное владение речью подразумевает соответствие формы речи ее содержанию, что означает, что в течение всего процесса построения речи мы стараемся соотносить те идеи, которые хотим выразить, с выстраиваемой речью.

Довольно легко привести примеры, как мы это сделали выше, демонстрирующие, что названия вещей, предметов, явлений, действий и понятий в разных языках являются результатом разного видения мира, и дополнить их многочисленными новыми примерами. Так, русские говорят о «художественной литературе», т.е. подчеркивают эстетический, артистический компонент смысла в этом понятии, а англичане для обозначения того же явления говорят *fiction*, т.е. «вымысел», или фикция. В английском языке также есть заимствованное из французского *belles lettres* (фр. *belles-lettres* «художественная литература; беллетристика; художественная литература, словесность»), в котором также подчеркивается эстетический компонент. Этот пример наглядно демонстрирует то, как отдельное слово может окрашивать национальное восприятие того или иного понятия. Для англичан основой восприятия литературы является то, что это вымысел (а не реальность); то, что в английском языке есть выражение *belles letters*, добавляет в него экзотический компонент – понимание того, что в литературе присутствует красота, изящество и т.п. Однако тот факт, что это выражается заимствованным иностранным словом, которое пока еще даже не подверглось процессам фонетической ассимиляции, свидетельствует о том, что это – привнесенное, иностранное понятие.

Национальный стиль мышления проявляется не только в лексике и фразеологии, но и на всех уровнях владения языком. Например, в выборе предлога: англичане говорят *A bird is sitting in the tree*, а русские говорят «Птица сидит **на** дереве», имея в виду одну и ту же ситуацию. В английском языке положение осложняется зачастую еще и тем, что в отдельных англоязычных культурах или разновидностях языка выбирают разные предлоги. Так, американцы скажут *He lives on Baker Street*, а англичане скажут *He lives in Baker Street*. Англичане говорят *to speak (talk) to someone*, как бы подчеркивая направленность речи к получателю, а американцы говорят *to speak (talk) with someone*, как бы подчеркивая совместность, сотрудничество говорящего и слушающего в процессе речи. Чтобы выбрать правильный артикль, учащийся должен научиться категоризировать предметы и явления так, как это делает англичанин, т.е. фактически научиться мыслить как исконный носитель языка. Ему приходится помнить о том, что некоторые существительные относятся к категории *pluralia tantum* или *singularia tantum*, причем есть довольно много существительных, которые в этом плане имеют прямо противоположную принадлежность: *news sing.* – новости; *information* – сведения; *fruit* – фрукты; *money* – деньги; *advice* – советы и т.п.

На вышеприведенных примерах видно, что сопоставление и противопоставление даже таких «мелких» лингвистических единиц, как слова различных языков, не говоря уже о целостных высказываниях, представляет собой весьма сложную задачу: существование даже прос-

тейших понятий нельзя принимать а priori, их необходимо формулировать лишь после тщательного и кропотливого исследования. Тем более это относится к широким обобщениям. Однако при сопоставлении языков, имеющих длительную традицию исследований, такие обобщения все-таки часто делаются.

Так, например, когда сравниваются английский и русский языки, часто говорят о более высокой степени абстрактности английской лексики и большем количестве лексических единиц, обозначающих абстрактные понятия. Еще одна область, часто упоминаемая исследователями – термины родства. В этой сфере в русском языке имеется разветвленная система специфических терминов типа «зять», «шурин», «свояк», «свекровь», «теща» и пр., в которой подчас не так-то легко разобраться и в которой и в самом деле не разбираются даже многие исконные носители языка. В английском же языке имеется довольно четкая и логичная система in-laws, т.е. названий тех же родственных отношений, в которых состоит супруг(а), но которые партнер приобретает благодаря закону, т.е. (законному) вступлению в брак, например mother-in-law, brother-in-law. В английском языке также есть слово siblings, т.е. сестры и братья, имеющие одного или двух общих родителей, которое обладает признаками более высокой степени обобщения по отношению к аналогичным словам, обозначающим представителей младшего поколения семьи в русском (брат, сестра).

Часто говорят также о большей или меньшей детальности в обозначении некоторых предметов, понятий и т.д. Очень популярный у лингвистов пример – слова для обозначения руки и ноги в русском и английском. Там, где в русском у нас есть всего лишь одно слово, у англичан их два – hand и arm, foot и leg. Однако можно привести и противоположные примеры, когда в русском языке для обозначения какого-либо явления, понятия и т.п. есть два слова, а в английском – лишь одно: «правда» и «истина» как аналоги слова truth, «самостоятельный» и «независимый» как аналоги слова independent и т.п. Данный аргумент очень удобен, как это часто делается с английским, для попыток доказать превосходство одного языка над другими: вот посмотрите, какой у этого языка богатый словарный запас, какая развитая синонимика, как он гораздо более детально и скрупулезно отражает все оттенки окружающего мира! Однако, если мы обратимся к случаям типа вышеприведенного примера с одеялом, возникает вопрос о том, какой язык в такой ситуации считать более «богатым»: тот, у которого есть много разных слов для обозначения различных предметов, выполняющих в быту эту функцию, или тот, у которого есть одно слово с множеством различных эпитетов? Можно ли говорить, что русский язык беднее, раз глаголы в нем могут иметь множество приставок (**из**учить, **за**учить, **вы**учить, **об**учить, **на**учить, **под**учить...), тогда как в английском тот же смысл

может передаваться разными лексемами (learn, study, memorize, teach, train, ...)?

Еще одним вопросом, представляющим исключительный интерес с точки зрения взаимосвязи языка и мышления, является вопрос о том, как наиболее яркие черты национального характера, национальной культуры отражаются в языке. И наоборот: отражением каких национальных особенностей являются наиболее яркие черты языка? И насколько вообще правомерны спекуляции на эту тему? Например, правы ли те, кто в сложной системе форм английского глагола, содержащей 16 времен, видят отражение активного, энергичного национального характера англичан, нацеленного на деятельность, действия всякого рода и, соответственно, требующего обилия разнообразных форм глагола, передающих всевозможные нюансы и оттенки различных аспектов действия?

Здесь следует отметить, что сам процесс образования понятий в культуре, по-видимому, вообще-то не подчиняется рациональным законам. Это можно подтвердить тем, как различные языки делят совокупность имен по родам – явление, которое не сможет рационально объяснить ни один лингвист. Почему в русском языке «дверь» женского рода, «пол» мужского, а «окно» среднего? В языке много таких фактов, которые не поддаются объяснению. Вместе с тем у многих знатоков иностранных языков есть смутное ощущение, что, например, то, что во французском языке есть только два грамматических рода – мужской и женский, некоторым образом связан с национальным менталитетом.

И можно ли однозначно истолковывать тот факт, что в русском языке порядок слов относительно свободный, тогда как в английском он фиксированный? Можно ли согласиться с исследовательницей, которая пишет: «Закрепившаяся в языке определенная закономерность организации слов в предложении создает... достаточно четкую рамку для формирования национальной картины мира»⁶.

Подводя итоги рассуждений на эту сложную тему, можно констатировать, что все изучение иностранного языка пронизано взаимосвязью языка и мышления, поскольку если такое изучение направлено на практическое, активное владение им, последнее (т.е. осознанное использование языковых форм) возможно только после осмысления всех существенных закономерностей построения речи на этом языке. Однако не случайно кто-то из современных лингвистов сказал о различных грамматических теориях: 'Every grammar leaks' («Ни одна грамматика не является 'водонепроницаемой', т.е. полностью неопровержимой»), имея в виду, что ни одна грамматическая теория не объясняет до конца все реальное многообразие форм и видов речевых построений. Это высказывание помогает нам понять, что осознать до конца все многообразие речевых построений во всех мельчайших деталях невозможно. Это зна-

чит, что некоторая часть владения языком является сферой действия интуиции, а не интеллекта. Недаром говорят «у нее потрясающее чувство языка» или «у него феноменальное языковое чутье». Недаром некоторые философы (например, И.А. Василенко⁷) говорят о невозможности рационально истолковать социокультурное ядро других цивилизаций, поскольку культурные формы – суть символические, а значит, априорно нерациональные. «Только после того, как мы начнем изучать мир культуры как символический, а не предметный универсум, путь нерационального понимания будет окончательно признан как адекватный для культурного восприятия».

Интересно, что лингвисты также часто отмечают «невербализуемость», невозможность полностью выразить словесно невербальные коды культуры того лингвокультурного сообщества, для которого используется язык является родным (несмотря на то, что именно это является условием успешного общения с носителями данного языка).⁸ Так что можно констатировать, что в обсуждаемой проблеме, возможно, больше вопросов, чем ответов.

Примечания

1. См., например: *Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., 1980; *Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
2. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 340.
3. См., например: *Лебедева Л.А.* Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар, 2003.
4. Ср., например, то, что пишет о типичной для русских «глубокой грусти» В. Вульф. *Virginia Woolf. The Russian Point of View // Virginia Woolf. Mrs. Dalloway and Essays.* М., 1984. Р. 253.
5. Цит по: *Филиппова М.М.* Английский национальный характер. М., 2007. С. 164-165.
6. *Мельникова А.* Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб, 2003.
7. *Василенко И. А.* Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 13.
8. См., напр., *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 7.